

ОТРАЖЕНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ДНЕВНИКАХ СТАРООБРЯДЦЕВ *

Рассматривается жанрово-содержательное своеобразие двух старообрядческих дневников за 1915–1923 и 1956–1975 гг., созданных членами одной общины Томского севера. На материале данных текстов утверждается мысль об отражении конфессионального дискурса в текстах сугубо утилитарного характера, посвященных описанию погоды и хозяйственно-бытовой жизни староверов. Названное свойство памятников обеспечивается отчасти самим жанром традиционалистского типа (разновидность летописания), порожденным древней культурной средой, его прагматикой, внешними по отношению к тексту атрибутами: графикой, особым календарем и др. При отсутствии прямого декларирования идей староверия обостренное самосознание общинных летописцев содержательно растворено в обыденных записях, отражающих гармонию Божьего мира, а патриархальный уклад жизни предстает как единственно истинный.

Ключевые слова: старообрядчество, конфессиональный дискурс, этноконфессиональная лингвистика, бытовая письменность.

В докладе В. В. Керова на международном симпозиуме «Книжность этноконфессиональных культур прошлого и настоящего: методология, методика и практика исследования», состоявшемся в Томске в июне 2012 г., хозяйственную книжность старообрядцев («Щета убытка и прибытка») предлагалось рассматривать как форму социоконфессиональной коммуникационной культуры. Данная мысль об отражении идеологии староверия в текстах сугубо утилитарного характера представляется нам справедливой, как и утверждение об обладании текстами разных жанров различной степенью этой отраженности. Задача настоящей статьи состоит в определении средств выражения конфессионального дискурса в бытовых дневниках общинников.

Материалом для статьи послужили два оригинальных текста: так называемый «Островной летописец» (далее – ОЛ) и «Книга пасхальная» (далее – КП). Первый (36 листов, бумага) представляет собой

подневные заметки за 1915–1923 гг., причем записи последних четырех лет носят нерегулярный характер. В них кратко сообщается о погоде суток, хозяйственных работах общинников (прежде всего автора «Летописца») и их итогах. Варианты записей: «25: морокъ. 26: морокъ и не шипко таело. 27: ясно и лывы школо извокъ. 28: ясно, картофки потащили и тепло. 29: ясно и тепло, а дорогъ непортило. 30: ясно и потаело пошипче и швлачки. 31: дошъ, рѣбили сайвѣ все стаскали» (л. 6). Отмечая изменения в природном мире, старец сообщает о прилете-пролете-отлете птиц, распускании листьев у растений, их цветении и пр.: «Первы гѣси летели 8 и 9» (л. 11); «черемѣха зачела свести» (л. 15 об.). Изредка сообщается день недели: «21: пятница, с оутра дожичокъ, къ вѣчерѣ выеснило» (л. 14 об.).

«Книга пасхальная», созданная Натальей Федоровной Коноваловой, во многом продолжает традиции «Летописца», но здесь

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-04-00087а).

описаны только дни пасхальной недели, а также отмечены наиболее знаменательные события прошедшего года: «1966 года была Пасха марта 31. 1 день Пасхи ясный, теплый. 2 день тоже ясно, а стужено. 3 также. 4 утром снег сырой, сполдня стало ясно и стужено. К нам приходили гости братец Стифан, сестрица Евдокия. А я ушла в гости к Праксеюшке, там ночевала, утром рано пришла. Мы ходили на озера, лотку возили. Еще Маничка пришла [...] Этот годъ в Алексеев день а с Маничкой расталася наверна навсегда, ни видать боли никогда. Этот год были Валода, Дусь, Шюра, Вита. А зимой в феврале самолёт 3 недели леталъ» (л. 2).

Как показал материал, открытое декларирование идей староверия в текстах отсутствует. Религиозная сторона жизни этих людей представлена преимущественно указанием на события церковного календаря. Так, у старца читаем: «8: Иоанна Б(о)гослова, братиѧ приѣхали, холодно, ночью иней болшой. 9: Николинъ д(е)нь, не холодно и ветеръ. 10: Симона Зилота, братиѧ оуѣхали, тепло. 11: Вознесѣние. Дымоу шипко много натенуло, ечмѣнь и морковь сходатъ, тоупанчики прилетѣли» (л. 15). Или: «Усѣле начинается постъ <...> н(е)деля первая поста» (л. 5); «Воскресение. Петровъ масопусъ» (л. 35). Набор праздников в женском дневнике, как следует из его названия, еще более скуден. Поскольку церковный календарь старообрядцев совпадает с календарем РПЦ, отраженность конфессионального духа древлеправославия следует искать в ином направлении.

В этой связи прежде всего обращают на себя внимание жанровые характеристики памятников, хорошо известные в среде староверов. Содержание краеведческого характера позволяет увидеть в общинных дневниках отголоски летописного жанра, представляющего здесь региональные интересы. Известно, что к уже XVIII в. летописцы интересовали русских бытописателей, став городскими, монастырскими, семейными хрониками. Этот факт, с одной стороны, объясняет немногочисленность пространных старообрядческих летописей, охватывающих многовековую историю раскольнических общин и раскола вообще: к настоящему времени в научный оборот

введены лишь два таких памятника – Выго-Лексинский и Дегуцкий летописцы, продолжающие традиционную хронографию, но включающие при этом уже и «малую» историю – жизнь общин, где они были созданы¹. С другой стороны, он же мог стимулировать и региональное бытописание.

Старообрядец, ведущий дневник, добровольно брал на себя дополнительные обязательства перед общиной, самим собой (и Богом), что давало ему шансы на спасение (вспомним приписки древних книжников типа «имея дар, да сокрою его – проклят буду»), одновременно усложняя путь к последнему: «Грамотному спастись тяжельше. Надо за людей отвечать...» – мнение старообрядческих книжниц Верхнекамья, выраженное Е. Б. Смилянкой на названном выше симпозиуме. В этой ситуации одни занимались тиражированием конфессионально значимых текстов, а другие создавали собственные: духовные стихи, полемические статьи либо же скромные дневники. Преследуя частные цели, каждое из произведений реализовало и общую идею создателей – сохранение давних традиций книгописания, древлеправославной обрядности, способствуя, в конечном счете, утверждению конфессиональной идентичности. Эта идея находит свое воплощение и в исследуемом жанре, где, к слову сказать, старец использует и трафаретный для летописей зачин: «Въ лѣто 7430 м(е)с(я)ца генваря, въ 28 д(е)нь перешли совсѣмъ жить на Дѣнаевѣ» (л. 32).

Прагматика ведения регулярных записей неоднократно подчеркивалась в рукописи летописца старообрядческого с. Кунича К. И. Донцова (1893–1952): «Краткое описание 1925 г. передаю на память грядущему поколению. Год не урожая, год бездождия, год голода, год несчастных долгов, ужасов и несчастий. Переживший 1925-й год был настоящим страдальцем. И все это мы имели наказание от Господа Бога за наши прогрешения, за наши беззакония» [Смилянская, Денисов, 2007. С. 275]. Он рассказывал о закладке и освящении храма, выборах священника, приезде архиереев в Куничу.

¹ Юхименко Е. М. Духовная жизнь староверческой общины и летописание: Выго-Лексинский и Дегуцкий летописцы. URL: <http://www.samstar-biblio.ucoz.ru/publ/261-1-0-771>.

Масштабность же описываемых в томских дневниках событий соизмерима с жизнью малочисленного старообрядческого лесного поселения: «**Братец Терентей принали с(вя)тое кре[щенье]**» (ОЛ, л. 6), «**Иванъ Ивановичъ пришли и сказали, што Анна оушла**» (ОЛ, л. 13 об.). Сообщения о выходе староверов из общины и разногласиях в их среде усматриваются в записях: «**Этотъ годъ февраля 15 ѿшла ѿ насъ сестрица Васса, нас ѡставилъ Минна**» (КП, л. 7); «**этотъ годъ Маничка ушла <...> и ат братии мы ѿлучилиса**» (КП, 3 об.).

К. И. Донцов также указывал: «Я решил записать на память, чтобы возможно было отсюда наблюдать за явлениями в природе и ходом совершающихся и являющихся атмосферных явлений, откуда должно и произойти урожайность этого лета» [Смилянская, Денисов, 2007. С. 87]. Очевидна утилитарная направленность текста, созданного и томским старцем, хотя он и не сопоставляет результаты труда в разные годы. День за днем описывая погоду и хозяйственные дела общинников, он обязательно указывает время начала и конца каждого вида работ, подводит их итоги. Например, в записи от 08(21).08.1916 читаем: «**Зачали жать**» (КП, л. 10), а через 9 дней: «**Ѿжались, ржы всего нажали 178 сноповъ, аглецкова ечменю всего 58 сноповъ, голоколосой пшеницы <...> сноповъ, овса 15**» (КП, л. 10 об.). Им измерены площади всех смотыженных под огород и поля загонов, сосчитаны горсти вырванного льна, полумотки произведенной пряжи, кули сбитых шишек, собранные корзины репы и чашки ягод, пойманная рыба и др.

Из этого следует, что текст создавался «пользы дела ради»: не секрет, что рациональное хозяйствование для старообрядцев было одним из факторов реального выживания – как при жизни в миру в условиях притеснений, так и без таковых, но в ситуации таежной замкнутости. Можно также отметить, что подобные регулярные записи – это еще способ отслеживания календаря, счисления дат, которые имеют свою специфику у старообрядцев. Так, старец применяет два календаря, в том числе от сотворения мира, но перевод дат александрийский – с разницей в 5 500, а не общепринятые 5 508 лет, год начинается с сентября, граница суток – «наши» 18.00:

«**Новое лѣто начинается 7426-е, мѣсець сентябрь**» (КП, л. 19). Женщина считает год от Рождества Христова, но сохраняет разницу в 8 лет, называя 1956 год 1964-м, а 1957 – 1965-м и т. д.: «**1966 года была Пасха 31**» (л. 2).

Они подражали эстетике древней книги и в ее оформлении. Наталья, бывавшая в Колпашево, летавшая на вертолете, имевшая переписку с рядом адресатов, в качестве писчего материала дневника, тем не менее, использовала бересту. Остается гадать: это воля случая или же сознательный выбор женщины? В «Летописце» встречаются простейшие заставки при переходе к новому «сентябрьскому» году (л. 19), месяцу (л. 18, 34), зачинные слова порой выделяются более крупными буквами (л. 10, 13, 16), а названия месяцев берутся в рамочку (24, 27). Концовка представляет исполненные в подражание традициям вязи буквы Х и С. В заключении простой литореей другой рукой написано имя «многгрешного Василия» (*прочочмевный Шалисий*), что также обращает нас к древнерусской книжности, как и приписки на 1, 2 и 36-м л., являющиеся пробой пера. Оба автора используют полный кириллический алфавит, полууставный тип письма, который в старообрядческой среде считается наиболее соответствующим содержанию священных книг, многообразные диакритики, кириллические цифры. На скорописи они переходят только тогда, когда начинают выражать свои чувства [Приль, 1995. С. 185; Старикова, 2011. С. 38].

Названные черты «книжного рукописания» поддерживают древлеправославную обрядность, пусть даже отчасти внешние ее стороны, назначение которой безотносительно к староверию замечательно сформулировал историк: «Обряд – религиозный пепел: это нагар на вере, образующийся от постепенного охлаждения религиозного чувства; но он и охраняет остаток религиозного жара от внешнего холода жизни. Обряд – действие, вызываемое чувством; становясь привычным, оно может и заменять утомленное чувство, готовое погаснуть. В пепле долго держится часть тепла от горения, его образовавшего» [Ключевский, 1968. С. 87]. Необходимость сохранения самобытности, сакрального пространства, предполагающих культурную преемственность, обращает старообрядцев к созданию текстов и в этом жанре.

Конфессиональный дискурс, выражаемый К. И. Донцовым прямо, в наших дневниках восстанавливается по разрозненным крупницам содержания. Конечно, он очевиден в сообщениях о «своих» – братцах, сестрицах, старице, братии, отце – лучшем среди равных, как принято у беспоповцев: мужчиной он упоминается лишь в связи с обыденными ситуациями: «**Мы с очком оушли на ТѸлаткѸ** [рыбачить]» (л. 12); «**очьча извоу опшилъ тесомъ**» (л. 26 об.). Н. Ф. Коновалова же говорит о наставнике, который был ее отцом, скорее с пиететом, сообщение о его смерти передает в традициях житийной литературы, но этот текст в ее «Книгу» не включен (ТОКМ. Ед. хр. 12676/31). Общинная артельность, предполагающая не только общий труд, но и совместность принятия решений, заключена в записи: «**Установились по жребію жить на озере**» (ОЛ, л. 12 об.).

Несмотря на то, что религиозная сторона жизни прописана в памятниках лишь контурно, дневник в силу жанровых особенностей позволяет даже в отсутствие развернутых рефлексий, как в случае с «Летописцем», или при краткости текста, как в «Книге пасхальной», охарактеризовать их авторов как носителей традиционной для старообрядчества иерархии ценностей. В этих текстах проявлены признаки, которые называют идентифицирующими для данного конфессионального сообщества: маргинальность, замкнутость, обостренное самосознание, традиционализм, а также эсхатологизм [Никитина, 2009. С. 14], особенно четко выраженный в женском изложении. Так, рефреном в конце 12-й из 20 записей «Книги» звучит с небольшими вариациями: «**И так мое с(е)рдце вещѸет, что последню веснѸ все живем, а боли дрѸгой не стретить, не жить, а толко плакать**» (л. 9 об.). Соответственно, в 6 случаях началом являются слова: «**А мы еще пока живем все трое, сколь Г(о)с(по)дь тастѸ житія**» (л. 9), в другом варианте: «**Еще вл(а)г(о)д(а)рю тѸ, Г(о)с(по)ди, никогда не чаела, а еще Г(о)с(по)дь своим милосердием повелелъ дожить до Пасхи**» (л. 13 об.). Показательна в этом отношении фраза (пробы пера) в «Летописце»: «**ПогибѸ вера, погибѸ**» (л. 36 об.).

Острое ощущение конца не ослабляет их веры. Наталья постоянно стонет, но в

письме подруги Марии к ней читаем: «*Конешина, я бы желала, чтобы вы, Наташа, выхадили, но аб этом, канешина, писать беспалезна, потому что вас оттудова парходной чалкой не вытенишь*» (ТОКМ. Ед. хр. 12676/18). Старец же благостно любит устроенным по-божески природным миром, частью которого он является. Его отношение к окружающему выражается эпитетами («**А вѸчеромъ дошѸ и дѸга шипко баска и пречюднаа**» – л. 16 об.) и особенно большим количеством производной лексики с суффиксами субъективной оценки, причем всегда положительной: **морочок**, **бѸранчик** (л. 3), **снежок** (л. 4), **ветерочек**, **солнышко** (л. 5), **облачки** (л. 6), **забережнички** (л. 11 об.) **черымчик**, **кѸточка**, **инеечек** (л. 18), **ведрышко** (л. 18 об.), а также **малесинько** (л. 4), **жарконько** (л. 7 об.), **сыренько** (л. 29), **мяконькой** (2 об.), **реденькой** (4 об.), **тоненькой** (5) и т. п. Ему вторит женщина: «**1-й [день] был асный веселый стѸденый**» (л. 1), в речи которой тоже много деминутивов – **окошечко**, **всточка** (л. 3 об.), **следок** (л. 11), **рыбка** (л. 3) и др.

Этот мир расцвечен всевозможными красками: «**С оутра зачало засинивать**» (ОЛ, л. 4 об.); «**черниньки оуточки прилетели, Березовой островъ позеленелъ**» (ОЛ, л. 8); «**макъ зацвѸлъ**» (ОЛ, л. 9 об.). В нем в полной гармонии уживается все сущее, у каждого свое «**заделье**» – см. запись от 04(17).05.1925 (1917): «**Дожичокъ и тепло, ечмень аглетской постѸбели, озеро без малова вокрѸгъ обѸехали, на озере оутки плаваютъ, и косачи токѸютъ, и мы ездимъ**» (л. 15). Дневники рисуют самодостаточных людей-тружеников, сознательно принявших тяготы такой жизни. Они работают в кузнице, на мельнице, выделявают кожи, выращивают хлеб, занимаются рыбалкой, смолокурением, прядением, ткачеством и еще многими делами, не отступая от канонов братского мира. Этот образ жития без каких-либо рефлексий и комментариев признается общинниками как единственно праведный.

Старообрядцы – носители древних религиозных и бытовых традиций. Особенностью их культуры в новейшее время является продолжающееся «книжное рукописание». В обращении к жанру дневника можно увидеть комплекс причин, как утили-

тарных, так и собственно конфессиональных, что обеспечивает ему возможность выражать древлеправославную идеологию и содержанием, и формой.

Список литературы

Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. 525 с.

Никитина С. Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект): Моногр. М.: ИЯ РАН, 2009. 354 с.

Приль Л. Н. «Островной летописец» // Тр. Томск. гос. объедин. ист.-архитек. музея: Сб. ст. / Под ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 8. С. 183–222.

Смилянская Е. Б., Денисов Н. Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая культура: Моногр. М.: Индрик, 2007. 432 с.

Старикова Г. Н. «Женские записки» старообрядческой коллекции: к проблеме

единства содержания и формы текста // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9: Филология. С. 35–39.

Список источников

ОЛ – Островной летописец (ТОКМ. Ед. хр. 7372. 1915–1923, 36 л.). Опубликован: *Приль Л. Н.* «Островной летописец» // Тр. Томск. гос. объедин. ист.-архитек. музея. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 8. С. 187–222.

КП – Книга пасхальная (ИИ СО РАН. Ед. хр. 2/92. 1956–1975, 14 л.). Опубликована: *Мальцев А. И.* «Книга пасхальная» – берестяной старообрядческий дневник за 1956–1975 гг. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск: Наука, 1998. С. 263–272.

Материал поступил в редколлегию 07.08.2012

G. N. Starikova

THE REFLECTION OF CONFESSIONAL DISCOURSE IN OLD BELIEVERS' DIARIES

The genre and content originality of two Old believers' diaries for 1915–1923 and 1956–1975 years are considered in this work. These diaries were written by the members of one of Tomsk North communities. The confessional discourse reflection in the very utility texts with weather and Old believers' everyday life description is shown by these diaries material. The mentioned property of these texts is partly ensured by the traditional type genre (a kind of memorials), produced by ancient culture environment, its pragmatic, external to the text attributes: graphic, original calendar and etc. Old Belief ideas aren't declared directly, but keen self-consciousness of community writers is reflected in everyday content texts which show the God's earth harmony and the patriarchal life as the only true one.

Keywords: Old Belief, confessional discourse, ethnic-confessional linguistics, everyday writing.